

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2024, Том 15, № 3 / 2024, Vol. 15, Iss. 3 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2024.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/10FLSK324.pdf>

DOI: 10.15862/10FLSK324 (<https://doi.org/10.15862/10FLSK324>)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Иванов, А. О. Сатемное и раннеславянское аканье / А. О. Иванов // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2024. — Т. 15. — № 3. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/10FLSK324.pdf>
DOI: 10.15862/10FLSK324

For citation:

Ivanov A.O. Phonological akanye in the Satem and early Slavic languages. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2024;15(3): 10FLSK324. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/10FLSK324.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: 10.15862/10FLSK324

УДК 81-2

Иванов Алексей Олегович

Санкт-Петербург, Россия
Независимый исследователь
E-mail: lescha-ivanov@yandex.ru

Сатемное и раннеславянское аканье

Аннотация. Мы изучаем фонетическое явление аканья, т. е. преобладание фонемы «а» над фонемой «о» в вокализме ряда языков. Для удобства сравнения мы вводим алгебраический параметр $OtAr$ (O-to-A-ratio) частоты использования этих фонем в разных текстах. Если в кентумных индоевропейских языках — в латыни и в древнегреческом — эти фонемы встречаются примерно поровну, то тексты на древних сатемных языках показывают однозначное преобладание «а». Ориентируясь на древнеперсидский язык Ахеменидов и на хронологическое нарастание доли фонемы «о» во всех письменных индоиранских языках, мы выдвигаем гипотезу, что ретроспективно эти языки также были абсолютно акающими. Основное внимание мы уделяем раннеславянскому аканью, приводя примеры славянской ономастики и заимствований-славизмов в бытовой лексике для греческого, финского, албанского, румынского и венгерского языков. Также мы касаемся распада славянского аканья, лабиализации «а» в «о» и показываем, что предлагаемые ранее механизмы не объясняют большинство известных случаев. Мы высказываем свои соображения, основанные на массовом использовании хвалебной поэзии в период славянской военной демократии, на дрейфе акцентуации и на престижности использования фонетики с новым «о» вместо старого «а». Вкратце мы касаемся другой фонологической теории образования «о» в ранний индоевропейский период — ларингальной теории де Соссюра-Куриловича. С нашей точки зрения ни методы, предложенные в этой теории, ни альтернативные соображения, основанные на сингармонизме, не могут объяснить славянскую лабиализацию.

Ключевые слова: индоиранские языки; славянский язык; аканье; заимствования; лабиализация; ларингальная теория; сингармонизм

На рубеже XIX и XX вв. лингвисты заметили (см. например [1]), что в истории славянских языков есть такой фонологический феномен, как «аканье». Ряд лексем, в которых в настоящее время стоит фонема «о», имели в VI–VIII веках вместо нее фонему «а» как в

ударном, так и безударном положении. Это явление достаточно подробно изучалось в 1960-е годы болгарским филологом В.И. Георгиевым, в публикациях которого [2; 3] в качестве примеров приведен ряд заимствований-славизмов в греческом и финском языках. Поскольку с момента его работ прошло уже более полувека, появилось достаточно много новых исторических и лингвистических фактов, которые в чем-то подтверждают, а в чем-то корректируют его позицию. Настоящий материал написан с целью дополнить список примеров Георгиева рядом румынских, венгерских и албанских заимствований с раннеславянским аканьем. Кроме этого, мы показываем неизолированность этого фонологического явления в сатемной группе языков, например, древнеперсидский язык времен Ахеменидов демонстрирует абсолютное аканье, т. е. полное отсутствие «о» в его вокализме. Для древнеиндийской письменности, где в шрифтах девангари и брахми есть символ, соответствующий фонеме «о», мы высказываем ряд аргументов, что она появилась после VI–V вв. до н.э., после экспансии индоарийских племен, где до этого устный ведический санскрит также был абсолютно акающим языком. Также мы касаемся общеславянской лабиализации VIII–IX вв. и предлагаем свой подход к ее механизмам, существенно отличающийся от утверждения Георгиева о том, что переход «а» → «о» начался с краткого *ǫ*.

OtAr

Для удобства сравнения аканья в различных языках введем понятие OtAr (O-to-A-ratio), отношение количества фонем «О» к количеству фонем «А» в текстах на рассматриваемых языках. Этот показатель не очень удобен для анализа современных языков, поскольку во многих из них наблюдается исторически сложившаяся дихотомия между орфографией и произношением. Общеизвестно безударное аканье в современном русском языке. В современных английском и французском языках дифтонги, в которых пишется «о», могут произноситься через «а» и наоборот.¹ Но представляется, что для сравнения старинных языков, особенно в исторической ретроспективе, применение этого параметра дает вполне содержательные результаты.

В кентумных языках этот параметр обычно колеблется около единицы. Первый памятник английской письменности, законы Этальберта (*Æthelberht*) 602–603 гг. имеют OtAr = 0,71 [4, p. 3–8], для двух первых частей поздних англосаксонских законов Эфельстана (*Æðelstān*) 925–939 гг. OtAr = 0,86 [4, p. 148–166]. В среднеанглийский период этот параметр поднимается, для «Троила и Кресиды» Джеффри Чосера (1381–1386) он равен 1,29. Для Гамлета (1599–1601) OtAr = 1,10, для «Этюда в багровых тонах» (*A Study in Scarlet*, 1887 г.) OtAr = 0,94. Доклассическая и классическая латынь (Плавт, Катон старший, Варрон, Цицерон, Вергилий, Плиний старший) имеет OtAr в интервале 0,47–0,97. Илиада и Одиссея, написанные на раннем ионическом диалекте, имеют OtAr 1,11 и 1,24 соответственно, в противоположность этому гортинские законы, написанные на дорийском диалекте VII–V вв. до н.э., где нет длинной *ω* и *η* совпадает с *α*, имеют OtAr = 0,50 [5, p. 39–50]. В классическом аттическом древнегреческом (Аристофан, Еврипид, Софокл) этот показатель в разных текстах колеблется в интервале 1,02–1,39. Дальнейшее развитие эллинистического койне и византийского греческого проходит в этих пределах — в Новом Завете I в. н.э. OtAr = 1,07, в канонах Трульского вселенского собора 691 г. — 1,16, в обозрении истории (*Σύνοψις Ἱστοριῶν*) Иоанна Скилицы конца XI в. — 1,04. Единственная группа кентумных языков, которая имеет несомненное аканье, — это ранние кельтские диалекты, тексты древнеирландских поэм, опубликованных Куно Мейером [6], дают OtAr = 0,33.

¹ Из примеров, лежащих на поверхности — английский предлог *how* произносится как «хау», французское имя *Benoit* произносится как «Бенуа», название винного дома *Château Margaux* читается как «Шато Марго».

Сатемное аканье

Но в ранних сатемных языках мы видим совсем другую картину: показатель $OtAr$ существенно меньше и не превышает 0,17–0,18.

Древнеперсидский язык мы знаем из стел Ахеменидов, созданных в VI–IV вв. до н.э. Письменность представляет собой самостоятельную силлабо-фонетическую клинопись, не связанную с шумеро-аккадской и эламитской клинописью. Из гласных в языке присутствовали монофтонги *a, i, u, ā, ī, ū* и дифтонги *ai, au, āi, āu*, символы коротких и длинных гласных не различаются. 21 символ отображает согласный звук + «а», 7 символов отображают согласный звук + «и» и 4 символа — согласную + «i» [7, с. 6]. Несмотря на то, что в ряде лингвистических исследований отмечается появление в вокализме древнеперсидского языка в поздний период империи Ахеменидов фонемы «о» (напр. [8, р. 49]), в текстах, приводимых в этих же изданиях, такой фонемы нет. Аканье древнеперсидского языка подтверждается приводимыми Геродотом и Ксенофонтом древнегреческими транслитерациями персидской ономастики той поры, а омикрон или омега в этих терминах не употребляются. Можно утверждать, что, согласно всем доступным источникам, $OtAr$ для древнеперсидского языка равен нулю, этот язык абсолютно акающий.

Для ряда важных, часто повторяющихся понятий («царь», «земля», «страна» и т. д.), использовались самостоятельные символы-идеограммы. Одной из важнейших идеограмм было понятие «бог» — «*bagha*», через фрикативное «*g*» [7, с. 6], см. также [9, с. 157–162]. Идеографическим памятником древнеперсидского аканья является название основанного Ахеменидами поселка на берегу реки Тигр — «*Bagh-dad*», «дар божий». В 762 г. Аббасиды перенесли сюда столицу своего халифата из Омеядского Дамаска и слово «Багдад» стало известно всему миру.

Авестийский, сакральный язык Заратуштры, несмотря на то, что он хронологически старше древнеперсидского, получил свою письменность на основе арамейской скорописи только во времена Сасанидов, в III–IV вв. н.э. В этих текстах появляется фонема «о», для Хорде Авеста $OtAr = 0,13$ [10], для Ясна Авеста $OtAr = 0,16$ [11]. Это практически совпадает с показателем для среднеперсидских текстов «пехлеви»², для которых $OtAr$ лежит в интервале 0,12–0,14. Скорее всего, никакой письменности, альтернативной клинописи Ахеменидов, не существовало, легенда о сожжении Александром Македонским шкур быков с текстами Авесты есть не более чем антиэллинистическая байка. Сакральные тексты передавались из поколения в поколение жрецами-магами устно, и за полторы тысячи лет фонетика изменилась из древней «абсолютно акающей» в «разговорную слабоокающую».

История развития индо-арийских языков схожа с иранскими. Первые памятники письменности силлабо-фонетическими шрифтами *брахми* начинают появляться в III в. до н.э. До этого жрецы-брахманы передавали тексты вед устно, чтобы никто из иных каст не приобщился к их сакральному учению. По мере экспансии индо-арийских племен язык сакральных богослужений санскрит стал превращаться в разговорные диалекты-пракриты. Исторический нарратив свидетельствует, что император Ашока правил с 273 по 232 гг. до н.э., при нем империя Маурьев достигла расцвета и захватила весь Индостан. Выбитые на камнях первые тексты его эдиктов, написанные на различных пракритах (есть тексты на греческом и арамейском), имеют $OtAr = 0,074$ [12, р. 1–19].

В VII в. н.э. создается специальная система письма для санскрита — *девангари* и сборники древнеиндийских гимнов и молитв, веды, обрели письменность. В текстах, транслитерированных с девангари на латинский шрифт, для Ригведы $OtAr = 0,099$, для

² Thesaurus Indogermanischer Text- und Sprachmaterialien <https://titus.uni-frankfurt.de/indexe.htm?texte/texte2.htm#mpers>.

Яджурведы — 0,068. Подводя итог, можно сказать, что в интервале III в. до н.э. — VII в. н.э. фонема «о» занимала в санскрите и формирующихся на основе праkritов разговорных языках Индии 7–10 % по сравнению с фонемой «а».

Обращает на себя внимание еще один факт, связанный с формой шрифтов девангари для гласных «о» и «а». Краткая «а» (ə) отображается символом अ, длинная «а» (ā) близким по форме символом आ. Короткая и длинная «о» отображаются теми же символами с надстрочными диакритическими знаками, औ и औ соответственно. То же самое относится и к дифтонгу «au» — औ. Такие начертания однозначно свидетельствуют о том, что для составителей шрифтов девангари именно фонема «а» была базовой, а «о» воспринималась как лабиализованный вариант произношения длинной «ā».

Все это является достаточно убедительными аргументами в пользу того, что в устном ведическом санскрите, как и древнеперсидском языке Ахеменидов, фонемы «о» не было, она появилась по мере расширения лексики и выразительных возможностей древнеиндийского языка. Ведический санскрит был абсолютно акающим языком.

Близость индоарийских и иранских языков хорошо согласуется с археологическими данными и лексическими реконструкциями — носители обеих групп языков являются выходцами из Андроновской археологической культуры XVI–XII вв. до н.э.:

«...хозяйство, быт, социальный строй, ритуал и верования носителей андроновской культуры полностью соответствуют картине, реконструируемой по языковым данным для индоиранцев, что дает основание признать андроновцев носителями индоиранской речи» [13, с. 223].

Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что диалекты, на которых общались внутри Андроновской культуры, являются абсолютно акающими. Также напрашивается и представляется логичным экстраполяция свойства хронологического уменьшения $OtAr$ по мере удревления на другую ветвь сатемных языков — на балтские и славянские языки. Разные группы исследователей дают различные, но близкие даты разделения сатемного континуума на индоиранскую и балтославянскую ветви. Группа С.А. Старостина на основании своего подхода к глоттохронологии Сводеша предлагает датировку 2700 г. до н.э. для расхождения индоиранских и балтославянских языков, 2000 г. до н.э. — расхождение индоарийских и иранских языков и 1200 г. до н.э. — расхождение балтских и праславянских диалектов ([14, р. 86], исходные работы Старостина нам недоступны). Калифорнийская группа Чанга на основании других математических методов предлагает в зависимости от методики исключения заимствований 4800–5000 лет назад расхождение индоиранских и балтославянских языков [15, р. 199–200].

Согласно дошедшей до сегодняшнего дня гидронимике, носители балтских языков в древности занимали обширные территории от Балтийского моря до верховий Днепра [16, с. 41–50]. Но подтверждаемая текстами история современных балтских языков, латышского и литовского, известна только начиная с XVI в. Однако даже за такой короткий промежуток видна достаточно четкая тенденция к хронологическому увеличению индекса $OtAr$. Опубликованные тексты молитвы «Отче наш» приводят к следующим результатам. Для старолатышского языка текст образца 1550 г. дает $OtAr = 0,24$, на современном латышском тот же текст дает $OtAr = 0,42$ [16, с. 442–444]. Для старолитовского языка текст 1503 г. дает $OtAr = 0$, для текста 1547 г. $OtAr = 0,11$, для текста 1595 г. $OtAr = 0,16$, для современного литовского языка 0,35 [16, с. 429–432]. Здесь также напрашивается экстраполяция, что до христианизации эти языки были абсолютно акающими.

Раннеславянское аканье

В отличие от вакуума информации о ранней истории балтских языков акающая славянская ономастика начала попадать в византийские анналы через несколько десятков лет после появления самих славян на исторической арене в 512 г. ([17, с. 176–177], обсуждение датировки — там же, с. 211–212). Бросается в глаза, что двусоставные имена, начинающиеся со слова «добро», пишутся в греческой транскрипции через альфу, «Δαβρα*». В хрониках Агафия Миренейского многократно упоминается ант *Дабрагез* (Δαβραγεζας, [17, с. 294–295]), который во время войны Византии с Сасанидами 555–556 гг. занимает высокий пост в византийских войсках. Среди лингвистов есть консенсус, что первая часть этого имени — именно слово «добро» в фонетике того времени, дискуссия разворачивается только вокруг семантики второй части имени [17, с. 296–303]. У византийского летописца Менандра Протектора при описании похода аварского хана Баяна на земли придунайских славян в 578 г. упоминается, что авары вступили в конфликт со славянским вождем по имени Δαυρέντιον [17, с. 320–321]. Это имя, с учетом распада назальности $\epsilon\nu = \epsilon = \alpha \rightarrow \text{я}$, сегодня звучало бы как *Добрята* [17, с. 349–350].

В повествованиях Феофилакта Симокаты за 585 г. описывается столкновение византийских войск со славянскими мародерами под предводительством *Ардагаста* (Αρδαγάστος, [18, с. 14–15]). Скорее всего, так греки через метатезу восприняли популярное в славянской среде имя *Радогаст* [18, с. 45], во второй части этого имени очевидно слово «гость», под которым обычно подразумевался купец, торговец. Точно такая же вторая часть видна в именах Κελαγάστος (в районе 560 г., [17, с. 316–317]) и Πετρογάστος (в районе 595 г., [18, с. 34–35]).

Как мы уже писали [19, с. 30–31], сама греческая передача этнонима «славянин», Σκλαβηνός, позже синкопированного до Σκλάβος, отражает невозможность сочетания согласных «сл» для древнегреческой артикуляции, поэтому оно реализовалось как контаминация кентум-сатемных изоглосс — самоназвания «славен», «человек славы» и «κλεός» (слава, весть, молва).

Еще более мощный пласт акающей раннеславянской ономастики виден в топонимике селений, основанных славянами на территории Греции в ходе своей экспансии VI–VII веков (в скобках указаны номера страниц в книге [20]):

- Топонимы на базе корня «явор» (платан, клён): Άβαρίκος (65), Άβαρινίτσα (160), Άβαρίνος, (10, 160), Άβαρίτσα (102), Άβαρνίкеια (202), Άβαρνίτσα (65).
- Топонимы на базе корня «орех»: Άράχοβα (21, 66, 80, 114, 118, 123, 128, 150, 161, 165), Άραχοβίτικα (123), Άραχοβίτσα (3, 21, 80, 86).
- Топоним на базе имени «Радомир»: Άρδαμέρι (202).
- Топонимы на базе корня «орел»: Άρλα (128), Άρλίσка (21).
- Топонимы на базе слова «болото», имеющего в те времена дополнительную семантику «лужа», «грязь», «стоячая вода», «озеро», «пруд»: Βάλτα (79, 146, 202, 310), Βάλτες (79), Βαλτεσινίκон (150), Βαλτεσιού (150), Βαλτέτσι (150), Βάλτιστα (220), Βάλτος (22, 66, 114, 124, 129, 174, 232, 310), Βάλτουκα (161), Βάλτσα (124), Βάλτση (129), Βαλτιστα (22), Βαλτσώρα (22).
- Топонимы на основе понятия «изгородь», «огороженное место»: Гарδαλεβός (166), Гарденά (132), Гарденίκια (166), Гарденίτσα (115), Гáрди (68), Гардикάκι (103), Гардίκι(ον) (26, 68, 77, 88, 95, 103, 151, 161), Гардítσα (146, 262), Градеμλόριον (203), Γράδιστος (224), Градítσα (30). Здесь бросается в глаза метатеза «гард ↔ град», которая, судя по всему, не связана с проблемами заимствования славизмов в греческом, а является внутриславянской «метатезой плавных согласных».

- Топонимы от корня «корыто»: Καρούτα (105, 311), Καρούτες (116), Καρούτια (105, 116), Καρούτσα (82, 83, 168).
- Топонимы от понятия «могила» с семантикой «курган, насыпь над могилой»: Μαρούλα (91, 143, 311), Μαρούλα (72, 100, 119, 122, 126, 143, 150, 163, 170, 311), Μαρούλα Κασνέσι (93), Μαρούλα Φανάρι (93), Μαρούλιана (155), Μαρούλίτσα (94).
- Топонимы от понятия «рогоз — камыш, тростник, розги»: Ραγάζι(ον) (107, 210, 238, 267), Ραγαζόβατος (210).
- Топонимы от корня «солома»: Σάλμα (289), Σαλμενίκон (138).

Начало массовой миграции славян из Паннонской долины на греческие земли принято относить к 586 г., к началу широкомасштабного нападения совместных сил авар и славян [17, с. 286–287], после чего греческие территории на несколько веков были отторгнуты из-под византийского протектората. К сожалению, установить время образования абсолютного большинства вышеприведенных топонимов затруднительно — в Византии наступили «темные века», количество летописного материала и экстралингвистической информации резко уменьшилось. К лингвистическим факторам можно отнести употребление греческих суффиксов (в основном -ον) поверх славянских -ово/-ова и -яцкое/-η(τ)ска, но здесь можно делать только локальные выводы, с абсолютной хронологией эта информация стыкуется плохо. Можно достаточно уверенно утверждать, что после рубежа VIII–IX веков, когда войска императрицы Ирины и императора Никифора I разорили большинство славиний южнее Македонии, новые славянские поселения на греческих землях перестали образовываться.

Славянское аканье упоминается в книге Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанной в середине X в. Описывая деятельность печенегов, Порфиригенет дважды [21, с. 44–45, 160–161] упоминает слово ζάκανα, их внутренние законы и правила. У специалистов нет сомнения, что это слово позаимствовано печенегами у славян [21, с. 290].

Славяне, оккупировавшие Далмацию, часто употребляли ономастику от слова «добро». В обзоре Франьо Рачки по записям католических хорватских монастырей IX–XII вв., топонимы и имена людей с корнем «Dabr*», через «а», встречаются 45 раз (*Dabra, Dabraça, Dabral, Dabramusclo, Dabrana, Dabrava, Dabressa, Dabriça, Dabrik, Dabrina, Dabro, Dabrona, Dabrostraza, Dabrovit, Dabruc*, часть этих лексем встречаются неоднократно), см. алфавитный указатель [22, р. 502–503]. Этим корнем исчерпывается хорватская акающая фонетика рубежа I и II тысячелетий, ономастика на «balt*», «ageh*» и т. д., характерная для греческих славиний, в списке Рачки не представлена. Многие топонимы с корнем «Dabr*» на территории Сербии, Черногории, Хорватии, Боснии и Герцеговины дожили до наших дней.

Достаточно большой по объему пласт заимствований-славизмов с акающей фонетикой предоставляют финские диалекты [23, р. 36–39; 24, р. 240–249; 25, с. 231–232]. Ранние контакты мигрирующих на северо-восток славян с аборигенами-финнами, населяющими земли востока Балтийского моря, судя по археологическим и лингвистическим данным, начались в VIII веке. Первые заимствования относятся к самым базовым словам, отражающим быт и хозяйственную деятельность:

Akkuna — окно; *Kasa* — коса (заплетенные волосы); *Kassara, kassari* — косарь; *Paltina* — полотно; *Piirakka* — пирог, *Sahk* — соха; *Talkkuna* — толокно; *Talтта* — долото; *Tappara* — топор.

Следующие заимствования относятся уже к периоду после христианизации Руси, появлению письменности, налогообложению, и явно относятся к периоду начала XI вв., из нижеприведенных примеров очевидно, что славянское аканье на северо-западе Руси дожило до этих времен:

Aprakka — оброк; *Räämattu* — грамота; *Kalkkara* — колокол; *Pakana* — поганный (язычник); *Pappi* — поп; *Saapas* — сапог; *Tavara* — товар.

К этому же пласту славизмов явно относится топоним возле Турку, *Paaskunta* — погост.

Однако, судя по наблюдениям исследователей истории диалектов северо-запада Руси, к эпохе начала массового использования берестяных грамот, т. е. после середины XI в., аканье уже фактически прекратилось [26, с. 75].

Ряд акающих славизмов вошли в современные румынский (*baltă* — озеро, пруд; *dăltui* — долбить; *draga* — дорогой; *gard* — изгородь; *prag* — порог) и албанский (*baltë* — грязь, тина; *daltë* — долото, резец; *gardh* — изгородь) языки.

Венгры мигрировали в Западную Европу из Зауралья только в конце IX в., в разгар общеславянской лабиализации, поэтому славизмы в их лексике в своей массе носят окающий характер. Это иллюстрируется заимствованием из славянских диалектов слова «суббота», как мы показали, оно произносилось и писалось в то время славянами в назальной форме, **сѣбота** [27, с. 8–15]. Если в румынском, где это заимствование произошло в VI–VII вв., оно имеет акающую фонетику, *sâmbătă*, то в венгерском эта лексема выглядит как *Szombat*, тем не менее в современном венгерском языке есть акающий славизм — *barazda* (борозда). Скотоводы-венгры явно перенимали земледельческую лексику у ассимилируемых ими моравских славян.

Согласно точке зрения Ю. Шевёлова, старопрусское слово *grassan* (просо) также позаимствовано у славян и отражает аканье при славяно-пруссских контактах IX–X вв. [28, р. 153].

Общеславянская лабиализация

В какой-то момент, начиная с VII–VIII вв., на всех славянских территориях начался медленный процесс лабиализации «а» → «о» и славянские языки стали приобретать современный окающий облик. Частично это отразилось на славянской топонимике в Греции:

- Топонимы от слова «явор» стали произноситься через «о» и писаться через омикрон: Ἀβοράνη (66), Ἀβορίτη (113), Ἀβορίτης (113), Ἀβορός (113).
- Один из топонимов от слова «болото» также обрел окающую фонетику: Βόλτσιτσα (198).
- Два топонима от слова «орех» дошли до нас через омикрон: Ὀραχός (171), Ορέχοβον (194).
- Топонимы от слова «орел» обрели привычную окающую фонетику: Ὀρλα (45), Ὀρλιακον (220).

Существенно меньший объем окающей топонимике по сравнению с акающими аналогами достаточно убедительно свидетельствует, что большинство поселков-славиний к моменту наступления лабиализации уже было разорено и/или эллинизировано. Лабиализация основной массы лексем явно проходила уже после византийских антиславянских походов рубежа VIII–IX веков. Это подтверждается славянской церковной лексикой — появление глаголицы в 860-е и кириллицы на рубеже IX–X веков произошло «посередине» лабиализации и привело к сакрализации и «замораживанию» религиозной лексики в «полуакающей/полуокающей» фонетике. В тех славянских социумах, где доминирующей конфессией стало православие, сформировалась диглосса: акающая, вернее «полуакающая» церковная фонетика соседствовала с окающими простонародными говорами [19, с. 192–193].

Разумеется, вызывают интерес причины и механизмы этой лабиализации. В. Георгиев предлагает два источника этого процесса — фонологический и социально-культурный.

Его основной фонологический тезис состоит в том, что в исконно праславянских лексемах смысловозначительным признаком было противопоставление короткого и длинного «а» (ǎ:ā), «*Лишь позднее, почти непосредственно перед появлением письменности, праславянское ǎ лабиализовалось в о (причем, естествен, в разных местах это произошло в разное время), в связи с чем коррелят ā утратил ставший излишним различительный признак и сократился в а*» [2, с. 20–21].

В социальном плане Георгиев обращает внимание на относительно резкое, по его мнению, изменение образа жизни: «*Конец праславянской эпохи неразрывно связан для славян с распадом первобытно-общинного строя, с образованием племенных союзов и появлением так называемой военной демократии, с переходом к классовому обществу. Это переломный момент в истории славян. Для этой эпохи характерны многочисленные и разнообразные миграции и значительное расширение территории, населенной славянами*» [3, с. 33–34].

Мы соглашались с тезисом Георгиева, что ряд слов с индоевропейским «о» [2, с. 20] (*дом, око, восемь, овца*) в праславянский и раннеславянский период произносились через «а».³ Также мы соглашались с тем, что решение вопроса о славянской лабиализации лежит и в фонологической и в социально-культурной плоскостях, но мы хотели бы существенно модифицировать конкретику.

К предлагаемым Георгиевым механизмам лабиализации много вопросов. Касаясь его фонологического тезиса, не совсем ясно, как определять длину гласной по заимствованиям на греческом материале — там нет ни одного примера с длинной ā, которой должна была бы соответствовать удвоенная альфа. Предлагаемый Георгиевым механизм не объясняет появление «о» в ударном и безударном положении в общеславянских дву- и многосложных словах — *слово, robota* и т. д. Он также не может объяснить лабиализацию в ударном положении в односложных (вернее, в нестрогом смысле, «полуторасложных») словах с ерами: *bagha* → *богъ*, *Gast* → *гость*. Проводя аналогию с санскритом и девангари, как мы показали выше, фонема «о», судя по написанию шрифтов, является вариантом произношения именно длинной ā. Финский материал также ставит тезис Георгиева под сомнение: если в словах *Räämattu* (грамота) и *Saapas* (сапог) лабиализация не затронула длинную ā, то в слове *Paaskunta* (погост) ā подверглась лабиализации. Но поскольку финские примеры частично подтверждают наличие механизма Георгиева, не отвергаем его полностью, а сохраняем как один из второстепенных путей лабиализации.

Обратим внимание на греческую топонимику с корнем «добро», которая представлена в книге Фасмера только лабиализованными лексемами с омикроном в качестве первой гласной:

Δοβρά (31), Δοβράνη (181), Δοβράτοβον (181), Δοβρίνοβον (31), Δοβριστίκεια (215), Δοβροβικεϊάν (215), Δοβρόϊ (89), Δοβρόλιτσα (191), Δοβρον (31), Δοβρούνιτσα (182).

Трудно представить, что все эти топонимы образовались только в VIII–IX вв., в разгар лабиализации. Скорее всего, они, как и все остальные славянские топонимы, были образованы первыми волнами мигрантов в конце VI — в течение VII века, и поначалу произносились, как и приведенные выше славянские антропонимы VI в. на «Δαβρ*», через «а». Но специфика этого слова состояла в том, что оно, в силу социально-культурных, а не формально-фонологических причин, первым поверглось лабиализации.

³ В этом нас поддерживает Ригведа, в самых первых строках которой виден «дом» через «а»: «*gājāntam adhvaṅāñām gorām ṛtasya dīdivim vardhāmāñām sve damé*» (к царящему при обрядах, к пастырю закона, сверкающему, к возрастающему в доме своем) [Ригведа 1.001.08].

И тут мы переходим к конкретизации второго, социального тезиса Георгиева. Любые процессы экспансии, любая военная демократия всегда сопровождается появлением социальной группы поэтов и песнопевцев, прославляющих подвиги своих героев и вождей. То, что в славянской среде такие артисты существовали, подтверждается источниками: согласно Феофилакту Симокате, в начале 590-х императору Маврикию попались три славянина, из имущества у которых были только музыкальные инструменты кифары [18, с. 14–17]. Достаточно очевидно, что в текстах хвалебных песен лексемы с корнем «*добр**» должны быть одними из самых востребованных — *добрые* воины идут сражаться против *недобрых* противников за торжество *добра*.

Должна была образоваться поэтическая глосса — попав в прокрустово ложе силлабической гармонии и рифмы, фонетика разговорных слов должна измениться. Какие-то фонемы в словах пропадают (синкопа), какие-то вставляются (эпентеза), какие-то переставляются местами (метатеза). Ударение может перейти на другой слог, гласные могут укорачиваться или удлиняться, а могут начать произноситься по-другому — назально, гортанно (делабиализация) или через губы (лабиализация). Начинает работать «закон открытого слога», повышающий вокализм языка и позволяющий произносить нерифмованные тексты нараспев.

Если фонема «о» все же возникла и попала в рифмообразующий слог раннеславянской поэзии, то она автоматически попадает и в ответный слог рифмы, ее распространение в поэтических глоссах нелинейно нарастает. Особенно четко это видно в притяжательных суффиксах «-ово» и «-ова» в приведенных выше «ореховых» топонимах *Арахова* и *Араховица*: при акающем корне в суффиксе стоит несомненный омикрон.

Поскольку в простой «народной» поэзии рифмуется обычно последний слог, а он, в свою очередь, часто представляет собой суффикс, очевиден механизм ускоренного проникновения фонемы «о» в суффиксы. Если же последний рифмующийся слог есть часть корня (напрашивающийся пример лабиализации корня с возможным участием суффикса «-ово» *слава* → *слово*), то «о» проникает в основы и корни лексем.

Но объяснить лабиализацию одновременно в ударном и безударном слогах только этим поэтическим механизмом трудно. Например, фонетическая эволюция понятия «работа» восходит к древнегерманскому слову *arbaiþs* в значении «тяжелый неприятный труд, выполняемый младшими или подчиненными членами общины». В праславянские диалекты и, соответственно, в общеславянскую лексику это слово попало через метатезу и произносилось в акающей фонетике **rabata*. В православную церковнославянскую лексику эта лексема попала в середине процесса лабиализации в «полуакающей/полуакающей» фонетике как *работа*. В языках славянских социумов, крещенных в католицизм, этот термин попал в словари с лабиализацией дошедшей до конца, в современных польском, словацком, лужицком и чешском языках это слово пишется и произносится через два «о», *robot(a)*⁴, с первоначальной германской семантикой.

В разговорных восточнославянских глоссах, несмотря на православное «полуаканье», это слово также произносилось через два «о», *робота*, см. «Слово Даниила Заточника». Не очень понятен вопрос с ударением в этом слове. В современных славянских языках (кроме болгарского, где ударение на первом слоге, *ра́бота*) ударение стоит на втором слоге.

Но ряд соображений подсказывает, что исходно ударным был именно первый слог. В современном немецком *Arbeit* ударение стоит именно на первой «А», соответственно и в

⁴ Как мы уже писали [19, с. 193], общеизвестным памятником западнославянского оканья стало слово «робот», введенное в оборот чешским писателем Карелом Чапеком в значении «механический человек».

готском *arbaiþs*⁵ и в заимствованной реконструированной лексеме **rabata* ударение также должно было стоять на первом слоге. В южно- и восточнославянских языках эта лексема дала синкопу *rabъ* (идентичную по семантике с греческим *δοῦλος*), а синкопироваться могут только безударные слоги. Возможно, если это не случайное совпадение, в этом дрейфе ударения мы видим действие закона Дыбо/Иллича-Свитыча о дрейфе праславянской акцентуации на один слог вправо. С этими просодическими соображениями достаточно просто построить схему «двойной лабиализации» — смена ударения означает смену рифмы и под вторичную лабиализацию попадает следующая фонема «а», сохранившаяся при первой лабиализации.

Вряд ли мы узнаем подробности фонетики раннеславянских стихов и песен, письменность затерла языческую историческую память христианскими текстами, но факт остается фактом — лабиализация «дабро» → «добро» в славиниях на греческих землях произошла еще в VII–VIII вв., на столетие раньше, чем в других лексемах. Отметим географическую неравномерность лабиализации слова с этим корнем. В обзоре Франьо Рачки, по записям католических хорватских монастырей IX–XII вв., топонимы с корнем «Dabr*», через «а», встречаются 45 раз (см. алфавитный указатель [22, р. 502–503]). При этом топонимов с корнем «Dobr*» через «о» существенно меньше, только 15 [22, р. 504]. Отметим, песни далматинских славян явно отличались от песен греческих славян.

Бросаются в глаза определенные социально-культурные аналогии при обстоятельствах славянской лабиализации и при обстоятельствах появления фонемы «о» в индоиранских языках. В древнеперсидском, как мы упоминали выше, «о» появилась только после экспансии Ахеменидов. Древнеиндийские эпосы Махабхарата и Рамаяна отражают колонизацию носителями индоарийских диалектов северного и южного Индостана соответственно. Эти поэмы написаны на санскрите, который из языка религиозных богослужений в VII–V вв. до н.э. стал превращаться в язык поэзии и героического эпоса и скорее всего именно в этот период фонетически обогатился и стал терять ведическое аканье.

Но также видно очень важное отличие — лабиализация в славянских языках зашла существенно глубже, чем в индоиранских. Уже для киевских глаголических листов (ориентировочно рубеж IX–X вв.) формально, учитывая, что сокращения типа «Бъ» нами не расшифровывались, $OtAr = 1,08$. Для Новгородского Кодекса [29, с. 13–15] (первые десятилетия XI в.), чей язык скорее старославянский, а не древнерусский, $OtAr = 1,34$. Для древнерусских текстов⁶ «Хождение игумена Даниила» (1104–1106 г.) дает $OtAr = 1,29$, «Поучения Владимира Мономаха» (около 1117 г.) дают 1,59, «Слово о полку Игореве» 1185 г. дает 1,22.

Эти показатели ставят под сомнение роль второго, социального фактора Георгиева, в славянской лабиализации. В языке персидской империи Ахеменидов с мощным и эффективным госаппаратом индекс $OtAr$ был равен нулю. В пехлеви империи Сасанидов, чье государственное устройство впоследствии станет образцом для Аббасидского халифата, $OtAr$ поднимется до 0,12–0,14. В Индии $OtAr$ поднялся от (предположительно) нуля до 0,07 в эдиктах империи Ашоты и до 0,07–0,1 в ведических текстах VII в. Поэтому для славянской фонологии скачок $OtAr$ от праславянского и раннеславянского нуля VI в. до единицы первых письменных текстов IX–XI вв. явно не может быть объяснен политогенезом, классовым расслоением и

⁵ Принято считать, что древнегерманское ударение всегда падало на первый слог и для достаточно большого пласта лексики это правило сохранилось до наших дней. В противоположность этому славянская и праславянская акцентуация весьма вариабельна. Например, в современном русском, в прилагательном добрый ударение стоит на первом слоге, в существительном добро — на втором, в существительном доброта — на третьем, в сложносоставных словах с этим корнем (доброжелатель, добропорядочный и т. д.) ударение стоит на второй части слова.

⁶ В адаптированной орфографии с сайта Пушкинского дома <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2070>.

формированием нового пласта государственно-управленческой лексики. Нужно искать другие причины.⁷

Здесь хочется предложить одну гипотезу из области социолингвистики, которая объясняет проникновение нового фонетического явления, оканья в разговорные глоссы славянских социумов. Эта гипотеза связана с идеями американского лингвиста Уильяма Лабова [30, с. 78–80] о влиянии соображений престижности на эволюцию языка. Военная демократия — а все византийские, латинские и сирийские источники VI–VIII вв. убедительно свидетельствуют о том, что славяне в этот период пребывали в состоянии военной демократии — подразумевает доминирование идей ксенофобии и героических подвигов. Поэтому возникшее в хвалебно-поэтических глоссах оканье стало престижным и, согласно законам социолингвистики Лабова, превратилось в эталон произношения. Такой подход позволяет эффективно объяснить географическую вариабельность лабиализации. Одна группа славянских авторов-исполнителей на оккупированных греческих землях, воспевая новые подвиги своих вождей, использует окающую фонетику как художественно-выразительное средство для подчеркивания важности новых подвигов и их отличия от старых деяний. Другая группа в оккупированной славянами Далмации придерживается языка предков, напоминая слушателям в окающей фонетике о родных землях и о том, как гордились бы их предки текущими подвигами и завоеваниями. Соответственно, в Греции нормой становится топонимика на $\Delta\omicron\upsilon\rho^*$, а в Далмации — на $Dabr^*$. Возможно, именно по этому механизму через доминирование фонетики хвалебно-поэтических текстов фонема «о» проникла в санскрит и пракрыты после экспансии индо-арийских народностей в VII–V вв. до н.э.⁸

Результаты и обсуждение

Подводя итог, можно сказать, что сам факт сатемного и раннеславянского оканья вряд ли может вызывать сомнения, он подтверждается большим массивом данных. Вопросы вызывают механизмы лабиализации, и особенно славянской лабиализации, после которой показатель $OtAr$ для славянских языков стал практически на порядок больше, чем для других сатемных языков. В рамках нашей, приведенной выше аргументации, мы можем уточнить и конкретизировать этот вопрос — достаточно ли наших поэтических и социолингвистических соображений, или они не могут обосновать подъем $OtAr$ от нуля до единицы и требуется дополнительная фонологическая аргументация? Не беремся отвечать с абсолютной уверенностью, но ряд соображений подсказывает, что на сегодняшнем уровне понимания истории индоевропейского вокализма ответ должен быть отрицательный, такую фонологическую аргументацию указать невозможно.

⁷ Отметим, что кроме лабиализации «а» → «о» в повышение $OtAr$ вносила свой вклад делабиализация «у» → «о», которая шла минимум двумя путями. В рамках закона открытого слога индоевропейская «и» могла превращаться в «ъ» и при падении еров в сильной позиции могла превращаться в «о». Находясь перед назальной согласной «и» превращалась в назальную «ѳ» и при распаде назальных гласных обычно превращалась в «о» в южно- и западославянских языках (сохранив назальность в польском) и в дифтонг «оу» в восточнославянских. Тот, в свою очередь, мог эволюционировать в «о» или «у» — политически значимый пример рус. окраина, белорус. ўкраіна и укр. країна. Но вряд ли делабиализация «у» → «о» повышает $OtAr$ более чем на несколько процентов.

⁸ Здесь четко вырисовывается разница славянской и индо-арийской военной демократии и хвалебной поэзии. Рамаяна и Мхабхарата написаны строго 32-слоговым размером «шлока», что однозначно указывает на то, что писали эти эпосы именно брахманы. Соответственно, тексты декламировались исключительно в кастах брахманов и кштариев, никакой социолингвистики в описанном выше смысле здесь не было и быть не могло. В противоположность этому в славянской среде с ее «свободным рынком» вождей и поэтов окающая глосса стала престижной, что, предположительно, обусловило рост $OtAr$ от 0,1 в древнеиндийских текстах до 1 в первых письменных славянских текстах.

Поиск фонологических факторов, обеспечивающих превращение «а» в «о», имеет очевидные аналогии с теорией Куриловича — де Соссюра, о том, что в древних индоевропейских языках были гортанные (ларингальные) полугласные/полусогласные (сонаты) H_2 и H_3 , которые, находясь рядом с гласной «е», превращали ее в «а» и «о» соответственно.⁹ Непосредственно ларингальная теория к обсуждаемой славянской лабиализации неприменима, переход H_2 в H_3 невозможен. Но, продолжая эту очевидную типологическую аналогию, напрашивается предположение, что в славянской фонетике VI–VIII вв. должен был быть некий сонат, назовем его H_x , со свойствами, аналогичными сонатам де Соссюра — гласная «а» рядом с ним лабиализуется и превращается в «о». Эта фонема должна была присутствовать в формирующемся славянском алфавите как глаголическом, так и кириллическом, поскольку возникновение славянской письменности и церковнославянского языка произошло в ходе лабиализации и, как мы писали выше, примерно в середине этого процесса. Но такой фонемы в славянских алфавитах нет. Или ларингальная теория некорректна (многие современные лингвисты до сих пор относятся к ней критически, см., например, [31, с. 138–146]), или возникновение «о» в ходе славянской лабиализации шло по совершенно иному сценарию.

Некоторые исследователи в середине XX в. предпринимали попытки построить альтернативные теории индоевропейского вокализма на основе сингармонизма¹⁰, т. е. фонетической ассимиляции одной из гласных под влиянием другой в соседнем слого, но эта точка зрения к настоящему времени не получила поддержки. В славянской фонологии в настоящий момент доминирует позиция, что ни прогрессивный сингармонизм, ни регрессивный сингармонизм (умляут) не представлены в славянских языках. Поэтому альтернативы для предлагаемых нами механизмов славянской лабиализации в настоящий момент нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kretschmer P., Die slavische Vertretung von indogerman. o. [Славянское представление индогерманской «о»] // Archiv für slavische Philologie, Bd 27, s. 228–240, 1905 — (на нем. языке).
2. Георгиев В.И., Русское аканье и его отношение к системе фонем праславянского языка // Вопросы языкознания 1963, № 2, с. 20–29.
3. В.И. Георгиев, Праславянский и индоевропейский языки, в сб. «Славянская филология», т. 3, с. 5, София, 1963, с. 7–34.
4. F. Liebermann, Die Gesetze der Angelsachen. Bd. I, Text und Übersetzung, [Законы англосаксов. Т. 1, текст и перевод], 1903, 675 с. — (на нем. языке).

⁹ Обозначения — [31, с. 139], Сам де Соссюр обозначал H_2 и H_3 как А и О, Курилович — как α_2 и α_3 .

¹⁰ Например, Schmitt-Brandt рассматривает возникновение индоевропейской «о» как результат умляута индоевропейской «и» [32, р. 115]. В работе Кравчука [33] обсуждаются несколько фантазмагорические идеи об агглютинативности ранних индоевропейских языков (как известно, агглютинативные тюркские языки широко используют сингармонизм). Не возражая, что некоторые праславянские диалекты и общеславянский язык действительно демонстрируют «вмораживание» суффиксов в основу слова (см., например, многочисленные примеры с формантом -ень — корень, камень, пень, тень, гребень и т. д.), все же это явление относительно маргинально и никак не связано со славянской лабиализацией. Для основной массы индоевропейских языков даже таких немногочисленных примеров привести невозможно. Само явление умляута в германских языках, откуда оно и получило свое название, неизвестно в готском и проявляется в более молодых языках, т. е. является не индоевропейским, а локально германским.

5. Willets R.F., The Law Code of Gortyn [Гортинский кодекс законов], Berlin 1967, 95 с. — (на англ. языке).
6. Meyer K., Über die Älteste irische Dichtung [О древнейшей ирландской поэзии], Bd. 1, Berlin, 1913, 60 s. — (на нем. языке).
7. Чунакова О.М., Хрестоматия по древнеперсидскому языку, СПб, Факультет филологии и искусств СПбГУ 2008, 71 с.
8. Skjærvø P.O., An Introduction to Old Persian [Введение в древнеперсидский язык], Cambridge 2005, электронное издание — (на англ. языке).
9. Эдельман Д.И. Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002, 231 с.
10. Авеста. Хордэ Авеста (Младшая Авеста), Подготовка авестийского текста, перевод, предисловие, комментарий М.В. Чистякова, СПб, 2005, 382 с.
11. Peterson J.H., Avesta. The Sacred Books of the Zoroastrians. Part I. Yasna [Скральные книги зороастрийцев. Часть I. Ясна Авеста]. 1995, электронное издание — (на англ. языке).
12. Hultsch E., Inscriptions of Asoka [Надписи Ашоки], Oxford 1925, 444 с — (на англ. языке).
13. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен Андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., Издательская фирма «Восточная литература», 1994 — 462 с.
14. Blažek V., From August Schleicher to Sergei Starostin: On the Development of the Tree-Diagram Models of the Indo-European Languages [От Августа Шляхера к Сергею Старостину. К эволюции моделей древовидных диаграмм индоевропейских языков] // J. Indo-European Studies v. 35, № 1-2, p. 82–110, 2007 — (на англ. языке).
15. Chang W., David H., Chundra C., Andrew G. Ancestry-constrained phylogenetic analysis supports the steppe chronology of Indo-European origins [Филогенетический анализ, ограниченный родословной, подтверждает степную хронологию индоевропейского происхождения]. // Language, v. 91, № 1. pp. 194–244, 2015 — (на англ. языке).
16. Дини П. Балтийские языки, М. 2002, ОГИ, 543 с.
17. Свод древнейших письменных известий о славянах, под. ред. Гиндина Л.А., Литаврина Г.Г., Том I (I–VI вв.), // М. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994 — 472 с.
18. Свод древнейших письменных известий о славянах, под ред. Г.Г. Литаврина, Том II (VII–IX вв.), // М. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995, 590 с.
19. Иванов А.О., Слейв? Склавос? Сакалиба? Этюды рабовладельческой и работорговой лингвистики. Европейская работорговля славянами в IX–XIII веках. // СПб, «Свое издательство», 2015 — 217 с.
20. Vasmer M., Die Slaven in Griechenland [Славяне в Греции] // Zentralantiquariat der DDR, Leipzig 1970 — 350 с. — (на нем. языке).
21. Константин Багрянородный. Об управлении Империей. Текст, перевод, комментарий, под ред. Литаврина Г.Г. и Новосельцева А.П., М., «Наука», 1991, 496 с.

22. Fr. Rački, Documenta Historiae Chroaticae Periodum Antiquam [Исторические документы Хорватии древнего периода], Zagrabiae 1877, 583 с. — (на латыни).
23. Mikkola J.J., Berührungen zwischen den Westfinnischen und Slavischen Sprachen [Контакты между западнофинскими и славянскими языками], Helsingfors 1894, 193 s. — (на нем. языке).
24. Plöger A., Die russischen Lehwörter der finnischen Schriftsprache [Русские заимствования в финской письменности.], Wiesbaden 1973, 396 s. — (на нем. языке).
25. Уйно П. О славянских заимствованиях в финском языке в археологическом контексте, в сб. «Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары», ред. А.Н. Кирпичников и др., СПб 2000, с. 225–234.
26. Зализняк А.А., Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
27. Иванов, А.О. Еще раз к вопросу о хронологии возникновения и распада славянских назальных гласных / А.О. Иванов // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2024. — Т. 15. — № 1. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/08FLSK124.pdf>.
28. Shevelov G.V., A Prehistory of Slavic. The historical phonology of common Slavic [Предыстория славянского языка. Историческая фонология общеславянского языка], Heidelberg 1964, 662 с. — (на англ. языке).
29. Зализняк А.А., Янин В.Л., Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси // Вопросы Языкознания 2001 — № 5 — С. 3–25.
30. Беликов В.И., Крысин Л.П., Социоллингвистика. М. 2001, Издательский центр РГГУ, 317 с.
31. Семереньи О., Введение в сравнительное языкознание, М. УРСС 2002, 400 с.
32. Schmitt-Brandr R., Die Entwicklung des Indogermanischen Vokalsystems [Развитие индоевропейской системы гласных], 2-nd ed., Heidelberg 1973, 186 с. — (на нем. языке).
33. Кравчук Р.В. Индоевропейский аблаут е:о — результат исчезнувшего сингармонизма? В сб. «Типология и взаимодействие славянских и германских языков», под ред. В.В. Мартынова, Минск 1969, с. 12–20.

Ivanov Alexey Olegovich

Saint Petersburg, Russia
E-mail: lesha-ivanov@yandex.ru

Phonological akanye in the Satem and early Slavic languages

Abstract. We are studying the phenomenon of phonological akanye, i.e. the dominance of the phoneme «a» over the phoneme «o» in a number of languages. For ease of comparison, we introduce the algebraic parameter OtAr (O-to-A-ratio) as the frequency of use of these phonemes in different texts. If in the centum Indo-European languages — in Latin and in ancient Greek — these phonemes are found approximately equally, then the texts in the ancient satem languages show a clear prevalence of «a». Focusing on the ancient Persian language of the Achaemenids and the chronological increase in the proportion of the phoneme «o» in all written Indo-Iranian languages, we hypothesize that, in retrospect, these languages were also absolutely akateic. We focus on the early Slavic akanye, giving examples of Slavic onomastics and borrowings from Slavic in everyday vocabulary for Greek, Finnish, Albanian, Romanian and Hungarian. We also touch upon the disintegration of the Slavic akanye, the labialization of «a» into «o», and show that the previously proposed mechanisms do not explain most of the known cases. We express our own considerations based on the widespread use of laudatory poetry during the period of Slavic military democracy, on the drift of accentuation and on the prestige of using phonetics with a new «o» instead of the old «a». We briefly touch upon another phonological theory of the formation of «o» in the early Indo-European period — the laryngeal theory of de Saussure-Kurilovich. From our point of view, neither the methods proposed in this theory nor alternative considerations based on vowel harmony can explain Slavic labialization.

Keywords: Indo-Iranian languages; Slavic language; Akanye; borrowings; labialization; laryngeal theory; synharmonism